

ДМИТРИЙ МАКСИМОВ

СМЕРШ VS АБВЕР.

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

И ЛЕГЕНДАРНЫЕ

РАЗВЕДЧИКИ

Дмитрий Максимов

**Смерш vs Абвер.
Секретные операции и
легендарные разведчики**

«ИП Демченко Е.Е.»

Максимов Д. В.

Смерш vs Абвер. Секретные операции и легендарные разведчики /
Д. В. Максимов — «ИП Демченко Е.Е.»,

Любое военное противостояние имеет явную и скрытую стороны. В этой книге рассказывается о невидимом фронте Великой Отечественной войны, о деятельности советской, немецкой разведок в предвоенные и военные годы, о разведывательных операциях советских служб, в частности о радиоиграх, приводятся краткие биографии некоторых известных советских разведчиков, а также описываются основные планируемые или совершенные покушения на лидеров СССР и Германии и результаты подробных мероприятий. На незаметном для посторонних глаз рубеже мужественно сражались конкретные личности, некоторые из которых для своей страны сделали больше, чем иные многочисленные вооруженные силы. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	5
Раздел 1	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максимов Дмитрий Владимирович

Смерш vs Абвер

Секретные операции и легендарные разведчики

Введение

Без сомнения, разведчик – одна из самых древних профессий. Элементы разведывательной деятельности неизбежно проявлялись в поведении людей, как только они стали бороться за выживание и конкурировать с себе подобными в борьбе за природные ресурсы. Древние племена занимались «промышленным» шпионажем: добывали тайны разжигания огня, секреты изготовления каменного оружия, выделки шкур, нащупывали сильные и слабые стороны соседей. Разведка была и, безусловно, будет всегда, пока существует человечество.

Разведка – одна из тех сфер деятельности человека, которая полностью зависит от конкретных личностей, их способностей, навыков и знаний. Порой разведчиками являются настоящему талантливые люди, герои своего времени. А иногда это просто жалкие наемники. Слова «разведчик» и «шпион» сходны по смыслу, но все же они отличаются по эмоциональной окраске. Если первое вызывает уважение, то 2-е произносят с презрительной ноткой. Хотя по сути техника работы и цели при этом обычно одинаковы. По другому определению, разница существенна. Шпионы за деньги сотрудничают с иностранными ведомствами против своей страны. Разведчики же работают исключительно на свою страну в основном из чувства искреннего патриотизма. К тому же разведчиками считают штатных сотрудников разведывательных организаций.

Значение разведки для победы в войне переоценить нельзя (как и забыть о критическом отношении к ней). В этом легко убедиться, если рассматривать Великую Отечественную войну с такой точки зрения.

Об истории разведки написано множество трудов как на Западе, так и в России. Большинство из них претендуют на научность, основываясь на документах. Однако и они не избегают фактических ошибок и неточностей, что вполне объяснимо, учитывая объемы и разнообразие исторического материала того периода. Поэтому читатель, составляющий собственное мнение по единственной книге, может легко впасть в заблуждение.

Раздел 1

Деятельность разведок в предвоенные и военные годы

Глава 1

Обстановка накануне Великой Отечественной войны

Вот уже несколько десятилетий многие историки высказывают предположение, что нападение Германии на СССР в июне 1941 г. не было таким уж неожиданным. Предполагается, что советское руководство обладало всей необходимой информацией о грядущем событии, включая точную дату начала наступления и направления ударов. Изучение исторических документов позволяет прояснить этот животрепещущий вопрос. О работе разведывательных органов Советского Союза известно далеко не так уж много, а отдельные вопросы до сих пор остаются тайной. Утверждается, что перед войной разведка была значительно ослаблена сталинскими репрессиями, но это не помешало ей получить ценные сведения об общих намерениях Германии и подготовке к войне с СССР. И. В. Сталин предпочел не полагаться на информацию от разведчиков, доверяя А. Гитлеру и договору о ненападении, и хотел как можно дольше оттянуть войну. Поэтому он старался не провоцировать Германию.

Якобы именно по этой причине советское руководство не смогло правильно определить сроки предполагаемого вторжения, из-за чего и случилась трагедия 1941 г. При этом многоголосый хор исследователей дружно возлагает вину на Сталина, который не уделил столь важным донесениям достойного внимания. Думаем, что не все так однозначно. Лишь немногие задаются вопросом, а, собственно, почему он поступил именно так, как поступил. Ответ всегда определялся политической конъюнктурой. Так, при хрущевской «оттепели» во время осуществления мероприятий по развенчанию культа личности Сталина вина полностью возлагалась на него. При Л. И. Брежневле вспоминали о противоречивости разведанных, дезориентировавших верховного главнокомандующего. Удивительно то, что до сих пор многие аспекты общей истории советской разведки остаются в тени, тогда как многочисленные работы сосредоточены на отдельных разведчиках или эпизодах разведывательной деятельности.

Судя по официальным документам, за разведку в Советском Союзе отвечали как минимум 5 ведомств: Наркомат обороны (НКО), Наркомат внутренних дел (НКВД, с февраля 1941 г. – Наркомат государственной безопасности – НКГБ), Наркомат Военно-морского флота (НК ВМФ), Наркомат иностранных дел (НКИД) и Коминтерн. Датой основания военной разведки считается 1918 г. С 1939 г. она вошла 5-м управлением в Наркомат обороны. 26 июля 1940 г. военная разведка в качестве Разведуправления включена в состав Генштаба. Возглавил его генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, являвшийся в то же время заместителем начальника Генштаба.

Организационные основы разведки НКВД, сформированной в 1920 г., за 19 лет несколько раз менялись. С лета 1939 г. она стала 5-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД под руководством П. М. Фитина. Отдел с февраля 1941 г. превратился в 1-е управление НКГБ. Разведкой на воде занималось 1-е управление НК ВМФ под руководством контрадмирала Н. И. Зуйкова, перед войной влившееся в структуру Главного Морского штаба.

Тема о существенном ослаблении разведки после репрессий 1937–1938 гг. весьма популярна, но недостаточно исследована. Высокопоставленный советский разведчик П. А. Судоплатов в своих мемуарах писал, что, несмотря на ощутимый вред, нанесенный разведке в результате ликвидации многих опытных кадров, связи с агентами по большей части не были

потеряны, а в последующее время только расширились. В годы репрессий объемы поступающих разведанных резко уменьшились, но вскоре ситуация восстановилась. Правда, неизвестно, на каком уровне. Скорее всего, репрессии оказались наиболее разрушительными для судеб нелегальных агентов за рубежом, многие из которых вынуждены были вернуться в Москву, где их и репрессировали. Что касается центрального разведывательного аппарата, то оценить последствия репрессий для него вряд ли получится, поскольку отсутствуют необходимые документы.

Большое значение имела радиоразведывательная работа. В 1930-е гг. при НКВД и Н КО работало совместное подразделение радиоразведки, но осенью 1938 г. его расформировали. Специалисты по радиоразведке НКВД осуществляли перехват и дешифровку дипломатической документации иностранных посольств. В начале 1941 г. группа этих специалистов вошла в состав 5-го управления НКГБ, ответственного за дешифровальную деятельность. Ее внушительным достижением можно считать дешифровку японских дипломатических кодов.

В военной разведке еще до войны имелось соответствующее подразделение. Четыре радиодивизиона ОСНАЗ 4 октября 1939 г. вошли в состав Украинского фронта. Занимались они радиоперехватом на территории Южной Польши. Той же осенью в Литве на Белорусском фронте появился разведпункт 363-го радиодивизиона ОСНАЗ. Его задачами являлись радиоперехваты с территорий Восточной Пруссии и северо-востока от Варшавы. Аналогичными радиодивизионами комплектовались и другие приграничные округа, впоследствии ставшие соответствующими фронтами. Всего к началу войны насчитывалось 16 радиодивизионов ОСНАЗ. К тому же 6 радиодивизионов и радиополк имелись при главном командовании. Про эти подразделения известно мало, поскольку документы об их деятельности не публиковались. Они занимались радиоперехватами, пеленгацией штабов войск противника, прослушиванием телефонных разговоров и созданием радиопомех в приграничной зоне. Руководство осуществлялось Разведуправлением, отделы которого имелись в каждом военном округе.

В последнее время имеющиеся исторические материалы подбираются исследователями несколько однобоко: разведка, мол, работала хорошо, руководство обладало всей информацией, но допустило войну. Таким образом всю вину пытаются переложить на Сталина, при этом сознательно забывая, что в момент получения данных ситуация не была однозначной. Судоплатов по этому поводу отмечал, что руководство ошиблось при оценке развединформации, однако прежде стоило бы разобраться с ее содержанием. Как раз с точки зрения фактической ценности и точности донесений серьезных исследований не проводилось, а избирательное изучение отдельных разведывательных материалов только искажает общую картину. К тому же бывало, что опубликованные исторические материалы противоречили реальности и друг другу. Чтобы сделать объективное заключение о предвоенной обстановке, необходимо оценить достоверность разведанных.

Довольно часто говорится о том, что Сталин знал о плане «Барбаросса» (вторжения в СССР) спустя всего неделю после утверждения его А. Гитлером 18 декабря 1940 г. На самом деле все несколько сложнее. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков сообщал в Москву о подготовке Германии к войне с СССР, которая начнется в марте 1941 г. Он настаивал на том, что информацию нужно дополнительно проверить. 4 января 1941 г. после проверки ранее полученные данные были подтверждены на основании некоего специального приказа Гитлера, которого источник сообщения лично не видел. Кроме того, план нападения переносился на более поздний срок – весну 1941 г.

Не умаляя значительных заслуг разведчиков, следует отметить неточность представленных данных, причем результаты проверки оказались дезинформацией. Приказ о подготовке к вооруженному конфликту с СССР появился в июне – июле 1940 г., тогда как в декабре Гитлер подписал стратегический план войны. В общем можно утверждать, что советская разведка

предоставила руководству СССР информацию о каком-то решении, имеющем непосредственное отношение к Советскому Союзу, но подробностей узнать не удалось.

В период с июня 1940 по июнь 1941 г. военная разведка предоставила военному и политическому руководству СССР свыше 300 донесений. В них содержалась информация об активной подготовке Германии к войне с Советским Союзом.

На основании имеющихся исторических документов нельзя сделать вывод о том, что советская разведка раскрыла политические и военные намерения германского командования. Данные о направлениях наступления были противоречивыми и порой недостоверными. Поскольку немцы собирались основной удар наносить через Белоруссию, то распространяли заведомо ложную информацию о предстоящем ударе по Украине или Прибалтике. Также разведка не знала о точном характере боевых действий. В умах советского командования преобладала мысль о предстоящей затяжной войне, но, как оказалось, Гитлер планировал блицкриг. Разведданные поддерживали именно ошибочную версию.

Основные задачи разведки перед войной заключались в получении сведений о военных приготовлениях Германии, стягивании войск к границам Советского Союза и количественной оценке вражеских группировок. В последнее время опубликованы материалы, по которым можно судить о результатах этой работы.

Прежде всего необходимо заметить, что все количественные данные о военном потенциале противника были существенно завышены. Например, разведка доносила, что к концу 1938 г. на вооружении у врага находились 7300 танков и 5160 самолетов. На деле же к 1 сентября 1939 г. у немцев имелись всего 3474 танка и 4288 самолетов. Взятая в качестве основы изначально завышенная информация далее еще больше увеличивалась: к октябрю 1939 г. авиация Германии «пополнилась» 340–400 самолетами (в итоге – 5500–6000), которых реально к этому времени было 4756. Но при этом производственные мощности авиационной промышленности противника занижались: если в 1939 г. они предполагались на уровне 330–350 самолетов в месяц, то в действительности составили 690.

В марте 1940 г. были добыты новые сведения. На 1 сентября 1939 г. самолетов насчитали 13 900. Это число держалось до лета 1940 г., поскольку предполагалось, что промышленность ежемесячно восполняет потери в 600–700 самолетов. На самом деле к 1 мая 1940 г. самолетов у противника было более чем в 2 раза меньше (5895), зато промышленность в 1940 г. производила в среднем по 902 самолета в месяц. Оценки Разведуправления по темпам немецкого самолетостроения «сбылись» в 1943 г., а по танкам – в 1944 г.

Оценки немецких людских армейских ресурсов тоже оказались завышенными. Успешные военные кампании Германии в Европе и Скандинавии рассматривались как факторы, влияющие на оценку в сторону увеличения. Сводные данные представлены в таблице 1 (в скобках отмечено действительное положение).

Таблица 1

Оценка численности германских войск

Дата	Дивизии	Численность, тыс. чел.
1 марта 1940 г.	190 (116)	—
15 апреля 1940 г.	200 (123)	7000 (5367)

Дата	Дивизии	Численность, тыс. чел.
15 июня 1940 г.	235 (157)	8000 (5765)
1 октября 1940 г.	255 (156)	—
15 марта 1941 г.	265 (191)	8000 (6954)
31 мая 1941 г.	290 (206)	—

По состоянию на 1 марта 1941 г. вооруженные силы Германии оценивались в 8 000 000 человек, 12 000 танков, более 52 000 орудий, 20 700 самолетов. В реальности же эти цифры были меньше: численность боевого состава равнялась 6 954 000 человек, имелись 5008 танков, 33 189 орудий, 5259 самолетов.

Начиная с октября 1939 г., советская разведка сосредоточилась на выявлении немецких формирований около наших границ. Как выяснилось, после завершения активной фазы боевых операций в Польше германские войска повернули на запад. Поскольку разведанные о количественных оценках сил немцев на востоке осенью 1939 – зимой 1940 г. не публиковались, то оценить эффективность работы разведчиков не представляется возможным. В марте 1940 г. предполагалось, что в Польше и Восточной Пруссии находятся 32 дивизии немцев. На самом деле там располагались 10 дивизий. На конец мая 1940 г. определили 20 пехотных и 2 танковые дивизии, несмотря на то что реально были 7 пехотных дивизий. Разведанные верно свидетельствовали о факте перемещения армейских частей с востока на запад, но количественная оценка была значительно завышена. То же самое и с последующей переброской войск с запада на восток к концу лета 1940 г. Указывались 30–40 дивизий, тогда как на самом деле их было только 15.

В представленных документах с донесениями разведки никаких опасений по поводу передислокации германских войск не наблюдается. Это объясняется еще и тем, что 9 июля 1940 г. германский военный атташе в Москве Э. Кёстринг сообщил о планируемых мероприятиях заместителю начальника Генерального штаба Красной армии.

В документах имеются несоответствия в разных оценках численности германских войск на востоке. Разведка Народного комиссариата внутренних дел докладывала, что к 16 июля 1940 г. у немцев были 40 пехотных и 2 танковые дивизии, тогда как Разведотдел штаба Западного особого военного округа (ЗапОВО) насчитал 28 пехотных дивизий. Через неделю разведывательный отдел штаба Киевского особого военного округа (КОВО) сообщал о 50 пехотных дивизиях, 2 танковых бригадах и 2 танковых полках, разведка Комиссариата внутренних дел – о 50 пехотных и 4 танковых дивизиях, а Разведотдел штаба Западного особого военного округа (ЗапОВО) – о 40 пехотных дивизиях и 5 танковых бригадах. В чем причина подобных разно-

гласий и каково было их влияние на общую оценку немецкой группировки на востоке, так и не выяснено.

На тот момент немецкая армия на востоке добивалась оборонительных целей и в инженерном плане подготавливала местность к будущей войне. Советская разведка наблюдала за этой деятельностью, но не подавала никаких сигналов тревоги, так как предполагала, что защитные сооружения на территории восточнее Вислы устарели и частично разрушены в ходе Первой мировой войны. Поэтому действия немцев по укреплению защитных рубежей воспринимались вполне спокойно (табл. 2, 3).

Таблица 2

Общая численность немецких подразделений на границе с СССР

Дивизии \ Дата	23.07.40 г.	01.10.40 г.	01.11.40 г.
Пехотные	50 (22)	70 (25)	78 (25)
Танковые	1 (0)	8 (3)	5 (6)
Моторизованные	0 (0)	5 (1)	5 (0)
Кавалерийские	0 (0)	6 (1)	0 (1)
Всего	51 (22)	89 (30)	88 (32)

Дивизии \ Дата	04.04.41 г.	15.05.41 г.	01.06.41 г.
Пехотные	70 (43)	93 (66)	94 (79)
Танковые	7 (3)	13 (3)	14 (3)
Моторизованные	6 (0)	12 (1)	13 (1)
Кавалерийские	0 (1)	1 (1)	1 (1)
Всего	84 (47)	119 (71)	122 (84)

Таблица 3 Общая численность немецких подразделений по направлениям

Дата	Дивизии				Всего
	Пехотные	Танковые	Моторизованные	Кавалерийские	
Группа армий «Север»					
01.10.40 г.	17 (6)	3 (2)	2 (0)	2 (0)	24 (8)
01.11.40 г.	16 (6)	0 (2)	0 (0)	0 (0)	16 (8)
15.05.41 г.	19 (15)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (17)
01.06.41 г.	19 (19)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (21)
Группа армий «Центр»					
1.10.40 г.	23 (9)	2 (2)	1 (1)	2 (1)	28 (13)
1.11.40 г.	34 (8)	2 (0)	1 (0)	0 (1)	37 (9)
15.05.41 г.	24 (27)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (30)
1.06.41 г.	24 (32)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (35)
Группа армий «Юг»					
1.10.40	24 (10)	3 (1)	2 (1)	1 (0)	30 (12)
1.11.40	28 (11)	3 (2)	4 (0)	0 (0)	35 (13)
15.05.41	35 (22)	7 (0)	8 (0)	0 (0)	50 (22)
1.06.41	36 (28)	8 (0)	9 (0)	0 (0)	53 (28)

6 ноября 1940 г. разведка Комиссариата внутренних дел сообщила, что с начала октября количество немецких войск у границ Советского Союза уменьшилось, поскольку некоторые части были переброшены в Румынию, Венгрию и Словакию. Аналогичное заключение выдала разведка штаба КОЕЮ. О данных в период с ноября 1940 по март 1941 г. известно крайне мало. К тому же нет возможности сравнить их с реальным положением вещей. С апреля 1941 г. до начала войны информация есть. Увеличение немцами восточной группировки на 6 пехотных и 3 танковые дивизии советская разведка выявила в феврале – марте 1941 г. В действительности прибавились 7 пехотных дивизий, а общее их количество к марту составило 33. В середине апреля Разведуправление сообщило о пополнении группировки в Восточной Пруссии и Польше 3 пехотными и 2 моторизованными дивизиями. В результате общее количество дивизий возросло до 78. И опять разведка, определив факт переброски, ошиблась в подробностях. Всего дивизий было 52. Разведка зафиксировала на востоке с начала года (январь – апрель) прибытие 6995 вагонов боеприпасов и 993 вагонов горючего.

Советская разведка переоценивала возможности противника. Немцы же, напротив, недооценивали советский потенциал. В первый год войны высветились 3 неприятных момента, противоречившие данным немецкой разведки: недооценка ею численности советских войск, эффективности их зенитной артиллерии, возможностей быстрого восстановления сил после разгромных кампаний лета 1941 г.

Выводы, которые делало Разведуправление на основе сведений о перегруппировке немецких войск в конце апреля – начале мая 1941 г., в принципе, соответствовали реальности. Так, 5 мая сообщалось, что суть передислокаций германских войск заключается в усилении группировки против СССР вдоль его западной и юго-западной границ, в том числе в Румынии и Финляндии, в развитии успеха африканской кампании против Великобритании, поддержке нацистского военного контингента в Скандинавии, чтобы при необходимости выступить с территории Норвегии против Великобритании, Швеции и Советского Союза.

По состоянию на 25 апреля в восточной группировке немцев советская разведка насчитала 95 – 1 00 дивизий, а через десять дней – 103–107. Отмечая усиление войск, Разведуправление прежде всего ожидало активной деятельности Германии на Ближнем Востоке, а не вторжения в СССР. Разведка докладывала, что у Германии имеются примерно 9 парашютно-десантных дивизий. Однако это была нацистская дезинформация с целью убедить СССР в намерении использовать авиацию против Англии. На самом деле немецкая группировка была укомплектована только 1 воздушно-десантной и 1 пехотной (авиапосадочной) дивизиями. Впрочем, главный вывод Разведуправления оставался верным: Германия продолжает наращивать силы на границе с Советским Союзом.

К 1 июня 1941 г. Разведуправление подытоживает: переброска германских войск по большей части закончена, против Советского Союза выставлены 1 20 – 122 дивизии при 44–48 запасных в самой Германии, 122–126 развернуты против Великобритании. Предполагалось, что у границ Советского Союза находятся штабы 2 групп армий и 6 армий, что было не совсем правильно. В действительности штабов групп армий было 3, штабов армий – 7, а штабов танковых групп – 3. 4 июня это сообщение оказалось в производстве, а 23 июня было подписано в печать в канцелярии. Приблизительное совпадение предполагаемой и фактической численности немецких войск обнаружилось только 21 июня, когда Германия выделила соответствующую группировку для вторжения: 3 группы армий, 7 армий и 4 танковые группы – 1 23 дивизии, 2 бригады и 1 пехотный полк, а также 4 дивизии в Северной Норвегии.

К тому же имеются довольно показательные документы советского военного планирования, в которых оценивалась предполагаемая численность немецких войск для войны с Советским Союзом. Например, в июле и сентябре 1940 г. отмечалось, что Германия выдвинет около 173 дивизий, потом в марте 1941 г. эта оценка увеличилась до 200 дивизий, а в мае упала до 1 80. В любом случае подобные расчеты оказались слишком завышенными, поэтому на их основе делался неверный вывод о том, что подготовка к войне продлится еще долго. Разведуправление подсчитало, что против СССР были сосредоточены 41,6 % немецких дивизий, что на 1 % меньше, чем даже против Великобритании. На основе этой информации нельзя было говорить о завершении подготовительного этапа. В действительности же по состоянию на 21 июня против Советского Союза сосредоточились 62 % дивизий вермахта.

В результате советская разведка не смогла сообщить руководству страны достоверную информацию о составе немецких вооруженных сил и их восточной группировке, что затруднило адекватную оценку угрозы стране.

В разведке наших западных приграничных военных округов перед войной остро не хватало подготовленных кадров, к работе приходилось привлекать местных жителей, не имевших доступа к важной информации, чьи сообщения доходили до адресата с опозданием, поскольку отправлялись с курьерами. К тому же агентов не готовили к работе в условиях войны и диверсиям, ведь считалось, что она будет проходить на чужой территории. Немецкой контрразведке удалось максимально ограничить утечку информации путем жесткого контроля на границе.

С советской стороны воздушную разведку вели 10 разведывательных авиаполков в составе 157 машин. Эффективность этого вида разведки была невысока из-за нехватки фотоаппаратуры и квалифицированных кадров. Лишь в мае 1941 г. было запланировано к середине лета пополнить авиаполки специалистами и самолетами. Отдача от войсковой и радиоразведки

без опытных профессионалов была незначительной. Агентурная разведка пограничных войск только с 24 мая 1941 г. целенаправленно заработала по отслеживанию подготовки Германии к войне против Советского Союза. Взаимодействие между различными видами разведки и ведомствами наряду со взаимным обменом информацией было организовано слабо. Так как агенты в штабы врага внедрены не были, то планы Германии оставались неизвестными. Дошло до того, что Советы ничего не узнали даже тогда, когда 18 июня немецкое военное начальство поставило в известность о грядущем нападении командный состав каждой роты. Эффективность приграничной разведки была низкой, а сведения противоречивыми. Из-за чего вышестоящее командование не смогло ясно увидеть всю ситуацию в целом и сделать соответствующие выводы. Нередко штабы округов вообще ничего не знали про группировки немцев, поэтому имело место то, что случилось во время внезапного вторжения.

Несмотря на то что в целом сведения, передававшиеся разведотделами штабов приграничных округов, были правильными, из-за их противоречивости и неорганизованности взаимодействия разведслужб вышестоящие штабы плохо представляли общую картину. Например, разведотдел штаба Прибалтийского особого военного округа 21 июня 1941 г. сообщал, что идет сосредоточение германских войск у границы СССР и в районах Восточной Пруссии. По информации разведотдела штаба ЗапОВО от того же числа вражеская группировка определялась в 45–46 дивизий. Отмечалось, что противник в полосе против ЗапОВО занял исходное положение и по всем направлениям идет увеличение сил и средств. Разведотдел штаба КОЮ днем раньше свидетельствовал, что перемещение немецких войск к границе Советского Союза подтверждается разными источниками.

Однако неправильные оценки противника привели к известным результатам, что хорошо видно по безуспешным боевым действиям Юго-Западного и Южного фронтов, силы которых превосходили немецкие группировки на этих направлениях. То, что немцы скапливают силы у границы, разведка Юго-Западного фронта заметила, а вот определить основную группировку не смогла, поэтому боевые действия проходили неудачно. Кроме того, не получилось точно установить общую численность вражеского контингента, что не позволило правильно оценить потенциальную опасность. Для Южного фронта последствия недостоверных разведывательных данных оказались еще хуже. По состоянию на 2 июля 1941 г. количество немецких войск оценивали в 9 – 10 дивизий, тогда как на самом деле там были 5 пехотных дивизий и 5 бригад. Число ожидаемых танков противника вообще определялось запредельным (900–960) по сравнению с действительностью (60). В итоге вывод о направлении удара противника оказался неверным, а завышенная оценка вражеских сил привела к логичному решению об отводе советских войск к Днестру. В довольно низкой эффективности действий Южного фронта оказалась виновата именно разведка, больше искажавшая реальную картину, чем прояснявшая ее.

Многие авторы в подтверждение того, что советское руководство заранее знало о вторжении, приводят информацию источников Старшины и Корсиканца. Из Берлина они сообщили советской разведке исчерпывающие и достоверные сведения о военных приготовлениях Германии. В этих донесениях много интересных и ценных деталей. Однако люди, выступавшие в роли источников, не имели доступа к секретным документам: их информация была противоречивой в отношении главного вопроса – срока нападения. По этой причине и прочая информация воспринималась критически.

Тема о том, предоставила ли советская разведка все необходимые сведения высшему руководству страны, которое по каким-то причинам не вняло предупреждениям, – наиболее дискуссионна. На протяжении многих десятилетий об нее сломало копий немало историков, бывших и действительных сотрудников разведывательных структур.

В донесении от 20 марта 1941 г. Старшина указывал на факт подготовки Германии к войне с Советским Союзом, но тут же отмечал, что шансы реального вторжения составляют 50/50 или оно вообще окажется блефом. Источники предполагали, что 14 апреля 1941 г. после поражения Югославии и Греции Германия выставит ультиматум Советскому Союзу. 24 апреля сообщили, что немцы переориентировались с СССР на Ближний Восток. 30 апреля доносили, что война начнется точно с СССР. 1 мая появились данные о предстоящем ультиматуме немецкого руководства, которое хотело развязать себе руки для операций на Ближнем Востоке. 11 мая сообщалось, что перед ультиматумом Германия постарается деморализовать СССР с помощью «войны нервов». 14 мая выяснилось, что нападение на СССР отложено. 9 июня новость об ультиматуме снова всплыла, как и о решении отложить нападение на Советов до середины месяца. Но уже 11 июня пришло донесение, что решение принято, а 16 июня Германия якобы оказалась полностью готовой к нападению. На такую чехарду мнений Сталин наложил весьма раздраженную резолюцию, посоветовав наркому госбезопасности В. Н. Меркулову послать источника подальше (в нецензурных выражениях) и назвав его не источником, а дезинформатором. Сегодня уже можно уверенно сказать, что в последних сообщениях от 11 июня и 16 июня 1941 г. была самая важная информация, но тогда эти сообщения с учетом их предыдущей противоречивости не выглядели убедительно.

Более того, в сводках разведки Н КГБ до самого немецкого вторжения отсутствовали выводы о непосредственной угрозе войны. Подобно военной разведке разведка Н КГБ правильно определила то, что Германия наращивает силы, но цели этого оставались неизвестными.

Здесь нужно отдать должное эффективности немецкой контрразведки, которая по распоряжению командования всячески старалась скрыть военные приготовления на востоке, для чего осуществлялась постоянная и целенаправленная дезинформация по всем доступным каналам. Например, 6 сентября 1940 г. немецкой контрразведке и разведке предписывалось действовать так, чтобы убедить Россию в наличии на востоке сильных группировок Германии и соответственно маскировать реальное количество войск. Перед ними ставились задачи при любой возможности распространять слухи об активной замене армейских частей, формировать иллюзию направления главного удара на юг и малой концентрации войск на севере, а также завышенного количества и лучшего состояния войсковых соединений, особенно танковых. 15 февраля 1941 г. появилась директива немецкого руководства, в соответствии с которой общественное мнение до апреля следовало держать в неведении относительно реальных планов Германии. Основным способом дезинформации являлось акцентирование внимания на предполагаемом вторжении в Англию, а также на незначительных операциях.

12 мая 1941 г. начался 2-й этап дезинформирования, а 22 мая интенсивность перемещения эшелонов на восток увеличилась. Все это преподносилось как маневр для прикрытия нападения на Англию. Немцы тщательно следили за тем, чтобы в войсках раньше времени не узнали о реальных намерениях руководства. Был запущен слух о переброске войск на запад. Причем деятельность немцев на Балканах, захват Крита, победоносное шествие танкового корпуса Э. Роммеля в Ливии, активизация агентов в Ираке, Сирии и Иране служили вполне убедительным доказательством захватнических планов Германии в отношении Ближнего Востока. На Западе в этом никто не сомневался. Тем более англичане, которые напряженно гадали, когда и откуда британские войска в этом регионе подвергнутся нападению. Руководители западных стран считали, что Германия по крайней мере в 1-й половине 1941 г. не нападет на СССР. Политическое руководство Советского Союза также попало на удочку немецкой дезинформации. Основная ответственность за это лежит на советской разведке, не сумевшей до конца и со всей определенностью распознать реальные намерения Германии (вину с политического руководства никто не снимает, однако строго в контексте темы этой главы следует заметить, что политики по роду своей деятельности обычно не обладают профессиональными навыками

анализа информации, а тем более – оценки ее достоверности). Впрочем, ни одна разведка мира не смогла этого сделать.

Германия любыми способами старалась распространить версию, что вооруженный конфликт Советами для нее – крайнее средство. Первоочередными провозглашались ультимативные переговоры. По этой причине сведения об ультиматуме с апреля 1941 г. имелись в большинстве разведывательных донесений, шедших из разных стран и источников. В политических и разведывательных кругах Советского Союза ходили многочисленные слухи об ожидаемых или уже происходящих переговорах 2 стран. СССР даже пытался их инициировать во 2-й половине июня.

Советское руководство прекрасно знало о неизбежности войны с Германией, однако считало, что ее начало будет связано с результатами советско-германских переговоров и с окончанием англо-германской войны. Из донесений разведки следовало, что Германия отправится в поход на восток только после решения английского вопроса либо разгромом, либо заключением мира и что она не станет воевать на 2 фронта. В последнее совершенно определено не верил и Сталин.

В такой ситуации советская разведка особенно активно интересовалась возможными контактами Германии с Англией и США. Серьезной опасностью была возможность англо-германского сговора. К тому же на то были все основания. Например, весьма подозрительно выглядел полет заместителя фюрера по партии Р. Гесса на самолете в Англию в мае 1941 г. По мнению разведчиков, это как раз могло быть попыткой сговора, хотя Англия старалась держать все в секрете. Скорее всего, таким образом она пыталась давить на СССР, чтобы вовлечь его в войну с Германией.

В двадцатых числах мая 1941 г. разведка сообщала, что переговоры с Гессом продолжаются. С другой стороны, по информации английской резидентуры, новая попытка англо-германского сговора провалилась. Принимая во внимание подобные противоречивые данные и будучи уверенным в том, что Германия не нападет на СССР, пока не устраним потенциальную угрозу с северо-запада, Сталин, вероятно, уже не обращал внимания на «предупреждения». До сих пор не до конца понятно, насколько подробно советское руководство было осведомлено о миссии Гесса. Как бы там ни было министр иностранных дел В. М. Молотов считал, что из-за его полета и угрозы англо-германского альянса советские военные наступательные приготовления затормозились. Исследование немецких военных архивов позволяет прояснить любопытные моменты, связанные с деятельностью советской разведки по дезинформации Германии. В первую очередь это целенаправленная демонстрация советского миролюбия и готовности ко взаимовыгодным экономическим связям. Для объяснения военных приготовлений до немецкого руководства была доведена версия о расколе, существующем между политическим и военным руководством СССР по поводу отношений с Германией. Якобы под давлением военных Сталин вынужден предпринимать определенные военные действия. Для того чтобы часть немецких войск отошла из Южной Польши, пускаться слух о концентрации главных группировок советской армии против Восточной Пруссии. Советский Союз тоже пытался дезинформировать врага неверными и устаревшими военными планами. Кроме того, Германии внушали мысль, что сосредоточение ею своих войск в Восточной Европе вызывает в советском обществе и руководстве антигерманские настроения, тогда как Сталин позиционировался как прогерманский лидер.

Весной 1941 г. запускались предупреждающие слухи о подготовке советских военно-воздушных сил к налетам на Берлин в случае нападения Германии, о возможном использовании химического и бактериологического оружия. Чтобы склонить Германию к переговорам, всячески подчеркивалась опасность войны с Советским Союзом, тем более на 2 фронта.

Как отмечал ветеран советской разведки генерал-лейтенант М. А. Мильштейн, «главная трудность нашей разведки состояла не в том, чтобы

добывать информацию, а в том, чтобы в нее поверило политическое и военное руководство».

К сожалению, советская дезинформация была не слишком действенной из-за того, что до Гитлера обычно доходили только сведения, соответствующие его представлениям о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах». Поэтому немецкое руководство рассчитывало на быстрые победы и никак не предполагало, что поход на восток окажется столь трудным. Деятельность по дезинформации противника советской разведке особенно удалась по части введения его в заблуждение относительно реального количества наших вооруженных соединений. Сводные таблицы по этому вопросу представлены ниже, цифры в скобках – фактическая численность (табл. 4, 5).

Таблица 4

Оценка численности Красной армии

Дивизии	По состоянию на 15 января 1941 г.		По состоянию на 11 июня 1941 г.	
	Всего	Западная часть	Всего	Западная часть
Стрелковые	150 (179)	100 (127)	175 (198)	150 (113)
Танковые	0 (20)	0 (16)	7 (61)	7 (44)
Моторизованные	0 (9)	0 (8)	0 (31)	0 (22)
Кавалерийские	32 (20)	25 (10)	33,5 (13)	25,5 (7)
Всего	182 (228)	125 (161)	215,5 (303)	182,5 (186)
Танковые бригады	46 (48)	30 (32)	43 (0)	38 (0)

Таблица 5

Оценка дислокации советских войск по направлениям

Дивизии \ Дата	ПрибОВО		ЗапОВО	
	15.01.41	21.06.41	15.01.41	21.06.41
Стрелковые	14 (20)	29 (19)	20 (24)	33 (24)
Танковые	0 (2)	2 (4)	0 (2)	1 (12)
Моторизованные	0 (1)	0 (2)	0 (1)	0 (6)
Кавалерийские	2 (0)	0 (0)	5 (3)	8 (2)
Всего	16 (23)	31 (25)	25 (30)	42 (44)
Танковые бригады	6 (6)	7 (0)	7 (8)	10 (0)

Дивизии \ Дата	КОВО и ОдВО*	
	15.01.41	21.06.41
Стрелковые	37 (34)	56 (45)
Танковые	0 (8)	5 (20)
Моторизованные	0 (4)	0 (10)
Кавалерийские	11 (5)	11 (5)
Всего	48 (51)	72 (80)
Танковые бригады	13 (11)	15 (0)

* ОдВО — Одесский военный округ

Советские органы разведки и контрразведки, помимо дезинформирования предполагаемого врага активно готовились к деятельности в обстановке надвигающейся войны. 18 апреля 1941 г. появилось указание резидентурам в Европе перейти на работу по условиям военного времени. Такое же распоряжение направила по своей линии военная разведка.

Предполагалось пополнение профессионалами резидентур в Польше и Германии и оснащение их новой радиотехникой. В мае – июне 1941 г. по договоренности с эмигрантским чехословацким правительством была налажена координация разведывательной деятельности, сформированы чехословацкие соединения в Советском Союзе для проведения диверсионной деятельности на территории Чехословакии. Из Берлина были эвакуированы дети советских дипломатических сотрудников. 16 июня 1941 г., как раз когда пришло донесение о готовности Германии к войне с СССР, которому Сталин не поверил, при наркоме внутренних дел образовали специальную группу под руководством П. А. Судоплатова для осуществления разведывательно-диверсионных операций в тылу врага. Перед группой была поставлена задача: с 1 июля при необходимости приступить к ликвидации вражеских складов с горючим, расположенных вдоль советских границ.

Что касается даты начала войны, то советская разведка сработала даже слишком хорошо, обеспечив политическое руководство страны множеством разных дат, но выбрать из них пра-

вильную оказалось не такой уж простой задачей. По словам Судоплатова, до начала войны в разведках НКВД и Генштаба отсутствовали отделы обработки и анализа поступающей информации. Их сформировали позднее. На наш взгляд, это не совсем соответствует действительности. В Главном управлении государственной безопасности было информационно-аналитическое отделение 5-гоотдела, возглавляемое М. А. Алахвердовым. Да и в Разведуправлении имелся информационный отдел, поставлявший начальству записки, отправляемые далее руководству страны и армии. Только вот качество работы аналитических структур было довольно низким, и, по утверждению известного журналиста и историка Л. А. Безыменского, разведка нередко обесценивала добытую информацию, передавая ее Сталину без анализа. Возможно, здесь сыграла свою роль некоторая атмосфера деспотизма, при которой любые мало-мальски важные выводы предоставлялось делать вождю.

Сотрудники Мосгорархива в 1995 г. составили сборник документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина». По их мнению, поступавшие разведданные действительно говорили о том, что Германия предпринимает полномасштабную подготовку к нападению на СССР. Далее составители признают, что анализ поступавшей информации сделан не был, так же как и выводы. Поэтому отсутствие обобщающих заключений является недостатком работы разведки. Резюмируется, что «будучи доложенной руководству страны в разобленном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий».

В своих воспоминаниях маршал СССР Г. К. Жуков писал: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план «Барбаросса», направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность... Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел...»

Советская разведка не сумела опереться в своих изысканиях ни на один серьезный документ о планах Германии на востоке. То есть источники, «свои люди», в военно-политическом руководстве противника имелись, но доступа к документам немецкого командования не было. В связи с чем большинство сведений основывалось на слухах, в которых отражались перемены «настроения» Германии в отношении Советского Союза. Естественно, это не могло не повлиять на адекватность оценок, данных советским руководством по поводу предвоенной ситуации в целом. Справедливости ради надо сказать, что ни одна из разведок мира и никакое правительство не догадывались об истинных намерениях Германии в июне 1941 г. Наверное, больше всех знала британская разведка, поскольку обладала системой дешифровки некоторых немецких военных шифров, хотя тоже лишь частично. Такая ситуация сложилась благодаря изощренным мероприятиям контрразведки Германии по сохранению секретности и дезинформации всего и вся.

Разведчик В. А. Кирпиченко писал: «...Разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Германии к войне. Была масса неопровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, – это уже от разведки не зависело». Далее по тексту он соглашается с тем, что разведка наряду с достоверной информацией предоставляла и дезинформацию (опять всплывает проблема оценки и анализа поступавшей информации).

В начале 2010 г. Служба внешней разведки РФ опубликовала материалы о Вилли Тельмане, советском агенте, работавшем в гестапо под псевдонимом Брайтенбах А/201. Считается,

что именно этот разведчик послужил прототипом Штирлица. Через своего связного в Берлине он 19 июня 1941 г. предупредил высшее руководство СССР о начале войны, назвав точную дату и время. По-видимому, и это сообщение затерялось среди множества других.

Каналов получения необходимых сведений имелось достаточно, поэтому кажется, что информированность советского руководства должна была быть на высоком уровне. Почему-то этого не произошло. В качестве причины наиболее логичным выглядит плохая координация работы разведывательных структур и практическое отсутствие централизованного анализа поступающей информации. Разведки частенько даже соперничали между собой.

Подытоживая, можно констатировать следующее. Судя по историческим материалам, разведка выполняла свою работу достаточно профессионально и действительно предоставила всю необходимую информацию руководству страны. Однако однозначных убедительных выводов по поводу намерений Германии перед войной сделано не было. Винить спецслужбы в этом вряд ли возможно, поскольку в сходной ситуации оказались тогда разведки всех развитых стран. Можно сказать, что разведчики добыли максимально возможную информацию, оказавшуюся чрезмерно противоречивой из-за успешной дезинформирующей деятельности Германии. Слабый аналитический аппарат разведывательных ведомств не позволил вычлени из всех сведений главное. Советское руководство оказалось дезориентировано. Конечно, это не снимает с властей ответственности за то, что не смогли создать более эффективный механизм получения и обработки разведывательной информации, но это уже совершенно другая тема.

Там же, где имелся доступ к правительственным документам (Англия, США, Япония), удалось добиться впечатляющих результатов. Советская контрразведка сработала достаточно эффективно, скрывая от Германии как фактический состав вооруженных сил СССР, так и осуществление значительной части предвоенных мероприятий. К сожалению, результаты дезинформации, распространявшейся советской разведкой, оказались намного скромнее, чем у их немецких коллег.

Глава 2

Советская разведка в годы войны

22 июня 1941 г. с вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз началась Великая Отечественная война. В новых условиях военного времени от советской разведки потребовалась серьезная реорганизация своей деятельности. Подготовиться к этому в полной мере перед войной центральному аппарату разведки не удалось. Например, предполагалось, что против Германии и ее вольных и невольных союзников в случае войны можно будет вести борьбу с территорий Франции, Бельгии, Голландии и других соседних стран. По определенным причинам это оказалось невозможным.

Для осуществления взаимодействия всех разведывательных органов Советского Союза имелся Координационный совет по разведке, который 29 мая 1941 г. принял инструкцию о взаимодействии в мирное время. Военное время было решено обсудить позднее.

Поскольку организовать разведывательную работу в Германии и оккупированных странах не получилось, то 18 июля 1941 г. ЦК ВКП (б) выносит постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем провозглашались первоочередные задачи внешней разведки: установление военно-политических планов противника и его союзников, формирование особых разведывательно-диверсионных отрядов. Были поставлены цели по выяснению подлинных планов и намерений США и Великобритании по поводу текущей войны и политического устройства после ее завершения. Для недопущения их присоединения к странам нацистского блока разведка должна была осуществляться и в нейтральных странах. Наряду с этим для укрепления военного и экономического потенциала Советского Союза должна была вестись научно-техническая разведка.

Достижению поставленных целей обязано было способствовать усиление разведывательных подразделений органов госбезопасности. Главным из них являлось 1-е управление НКГБ, состоявшее в начале войны из 10 отделов и 2 групп.

В военное время по состоянию на август 1941 г. структура внешней разведки включала:

- руководство разведки, секретариат;
- центрально-европейский отдел: немецкое, польское, чехословацкое, венгерское, украинское отделения;
- балканский отдел: болгарское, румынское, югославское, греческое отделения;
- западно-европейский отдел: французское, бельгийское, итальянское, швейцарское, португальское отделения;
- скандинавский отдел: финляндское, шведское, норвежское, датское, голландское отделения;
- англо-американский отдел: отделение по Соединенным Штатам Америки, английское, канадское, южно-американское и отделение научно-технической разведки;
- 1-й дальневосточный отдел: японское, маньчжурское, корейское отделения;
- 2-й дальневосточный отдел: китайское, тайландское, синцзянское отделения;
- средневосточный отдел: отделение по Ирану и остальным арабским странам, а также по Афганистану и Индии;
- отдел совколоний.

На протяжении Великой Отечественной войны во главе внешней разведки органов госбезопасности стоял П. М. Фитин, которому позднее присвоили звание генерал-лейтенанта. Первое управление НКВД – КГБ СССР ведало разведкой на территории иностранных государств. Для организации партизанского движения на временно занятой врагом территории, определения военных планов немецкого командования на фронте и диверсионной активности противника в январе 1941 г. было сформировано 4-е управление НКВД. Возглавил его

генерал-лейтенант П. А. Судоплатов. Разведывательно-диверсионная работа в тылу немцев поручалась Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения под руководством В. В. Гриднева. Кроме того, разведывательной деятельностью в тылу противника занимались партизанские отряды и резидентуры в оккупированных населенных пунктах.

С началом войны на первый план стала выходить нелегальная резидентура. К началу 1944 г. в европейских государствах функционировали 97 нелегальных разведчиков, включая 10 немцев. Всего в 27 странах находилось до 190 агентов. Особенно ценными были разведчики под псевдонимами Ян, Десяток, Шустрий.

До войны источники разведанных для органов госбезопасности находились во всех ключевых европейских государствах, в том числе и в Германии. Это, например, Корсиканец, Старшина, Старик из знаменитой «Красной капеллы» (автономные группы Сопротивления и разведывательных сетей), служивший в гестапо Брайтенбах (Вилли Леман), китайский Друг (военный советник президента Китая Чан Кай-ши), Августа (супруга высокопоставленного сотрудника германского МИД) и другие члены иностранных резидентур. Но с началом войны контакты с ними прервались. Советская разведка рассчитывала связаться с агентами по радиции из Бреста. Однако немцы в первые дни вторжения захватили Брест, Минск и прочие белорусские города. Сложилась ситуация, которая стала серьезным просчетом нашей внешней разведки, ведь приходилось формировать специальные разведгруппы для засылки в Германию и другие занятые ею страны, чтобы возобновить потерянные контакты с агентурой. Впрочем, надо сразу оговориться, что подобные попытки, как правило, заканчивались провалом. Руководство внешней разведки вынуждено было полагаться на работу легальных резидентур в странах, не находившихся под контролем Германии.

Важнейшей задачей внешней разведки, особенно в начале войны, было пристальное наблюдение за Японией, которая могла решиться на агрессивные шаги в отношении нашего Дальнего Востока. В этом случае Советскому Союзу пришлось бы воевать на 2 фронта. В этом вопросе помогла информация из Лондона, в которой сообщалось о соответствующей правительственной переписке Британии с Германией, и от резидентур НКВД в Японии и Китае. В результате к концу 1941 г., опираясь на донесения разведок, можно было сделать вывод, что милитаристские планы Японии связаны с «теплыми морями», в частности с захватом колоний Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Благодаря этим данным Сталин вовремя отозвал с Дальнего Востока подкрепления, что способствовало победе в битве за Москву. Но опасность нападения Японии на Советский Союз сохранялась вплоть до 1943 г. После наших побед в сражениях под Курском и Белгородом Япония окончательно отказалась от военного конфликта с СССР.

В начале войны полезные сведения сообщали резидентуры из Турции, Болгарии, Китая, США, Ирана, Великобритании, Швеции, Афганистана, Японии. Причем из последней шла основная информация, касающаяся нацистской Германии. На протяжении долгих лет войны были организованы резидентуры в Финляндии, Венгрии, Италии, Египте, Франции, Румынии. 12 октября 1941 г. разведчик В. Зарубин, специализировавшийся по США, и глава внешней разведки П. М. Фитин были на приеме у Сталина. Иосиф Виссарионович спросил у Зарубина о его готовности переехать на работу в Америку и пояснил, что советское руководство слишком плохо видит сложившуюся там политическую обстановку. Оставались неясными перспективы противоборства между группой чиновников, выступавшей за отстраненное поведение США, и группой президента Ф. Рузвельта, склонявшейся к оказанию помощи СССР в борьбе с немецкими захватчиками. В связи с этим Зарубин обязан был понять, каково же на самом деле отношение в США к СССР, Великобритании, Германии и Японии. Перед ним также поставили задачу нащупать возможность влияния на руководство страны с целью сформировать у

него мнение о необходимости большего взаимопонимания между СССР и США по организации сопротивления общему врагу. К тому же Зарубин должен был не допустить заключения сепаратного договора между Америкой и Германией и завершения войны в ущерб интересам Советского Союза. В США имелась так называемая «пятая колонна» нацистского толка, пытавшаяся убедить американское руководство в желательности союза с Германией и выступления против СССР. Разведчику поручалось внимательно приглядывать за этой «колонной» и своевременно сообщать обо всем в Москву. Сталин не зря давал такие указания, поскольку Германия постоянно пыталась расколоть антигитлеровскую коалицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.